

94(410).07

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ И ТЕОРИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ»

© 2025 С.Г. Малкин, А.И. Лёзин

Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья поступила в редакцию 28.11.2024

Ссылка для цитирования: Малкин С.Г., Лёзин А.И. Французская армия, деколонизация и теория «революционной войны» // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Том 7. 2025. Номер 1. С. 68-78

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-1-68-78

EDN: BOKXDE

В статье анализируется появление и развитие теории «революционной войны», а также ее влияние на вооруженные силы Франции. Разбираются причины становления этой теории в среде французского военного класса – какие военно-политические события способствовали появлению и последующей трансформации этого феномена в истории военной мысли Франции в эпоху деколонизации. В этой связи в работе представлена аналитическая форма (рамка) для понимания специфики менталитета задействованных на колониальной службе представителей французского военного класса в данный исторический период, включая их отношение к событиям не только на зависимых территориях, но и в самой метрополии, их взаимосвязь с точки зрения представителей военного класса в контексте требований к ведению «революционной войны». Особое внимание уделено рассмотрению военных преступлений французской армии в Алжирской войне (1954-1962 гг.) сквозь призму представлений о допустимых пределах применения силы сторонников теории «революционной войны». Анализируются наиболее яркие примеры попыток трансфера практики «революционной войны» в другие регионы мира для решения местных проблем в области обеспечения внутренней безопасности, прежде всего в странах Южной Америки.

Ключевые слова: Индокитай; Алжир, «революционная война», Шарль Лашеруа, Роже Тринкье, Жак Хогард, Поль Ауссаресс, Давид Галула, Французский союз, Четвертая республика, «психологическая война», Шарль де Голль, Пятая республика.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011,
<http://rscf.ru/project/22-18-00011>*

В первой половине 1950-х гг. среди французских военных начинает формироваться новая теория борьбы с повстанцами на пока еще зависимых от Парижа территориях – так называемая теория «революционной войны» (ТРВ), которая была призвана соответствовать вызовам Холодной войны. ТРВ была разработана с учетом опыта Индокитайской войны (1946-1954 гг.). Ее основой в идейно-политическом плане являлся антикоммунизм, офицеры полагали, что битва за будущее западного мира разворачивается внутри французской империи². Джереми Рубинштейн вводит в этой связи понятие «внутренний антикоммунизм», смысл которого заключается в субъективном восприятии представителями французского военного класса идеологии коммунизма. Основой этого негативного отношения

Малкин Станислав Геннадьевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения. E-mail: s.g.malkin@mail.ru

Лёзин Александр Иванович – магистр истории по кафедре всеобщей истории, права и методики обучения. E-mail: lezin1995@gmail.com

являлся общий опыт пребывания в лагерях французских военнопленных в Индокитае. Главный аргумент сводился к тому, что коммунизм — это «общество лагерей»³.

Офицеры французской колониальной службы, придерживавшиеся ТРВ, считали себя противоположностью военной бюрократии в метрополии. Находясь на поле боя, они чувствовали свое преимущество перед «кабинетными работниками». Осознавая себя отдельной военной кастой, эти люди видели себя настоящими реформаторами армии. На момент начала вооруженного конфликта в Индокитае во французской армии преобладали две концепции ведения борьбы с повстанческими движениями в колониях. Одна заключалась в преимущественном использовании регулярной армии, другая делала упор на применение тактики (если не стратегии) партизанских отрядов. Первоначально эти взгляды противопоставлялись друг другу, однако в последующем они будут преобразованы в единую концепцию⁴.

Образ участников ТРВ в колониях обессмертил роман французского писателя и журналиста Жана Лартеги «Центурионы», опубликованный в 1960 г. Произведение вызвало положительные отзывы по обе стороны Атлантики. В романе изображены верные «солдаты империи», бившиеся за сохранение исчезающей империи в колониальных войнах в Индокитае и Алжире. Во время Второй мировой войны Жан Лартеги сражался в составе вооруженных сил «Свободной Франции» на африканском континенте, в дальнейшем участвовал в Корейской войне (1950-1953 гг.) в составе коалиционных сил, возглавляемых США. Впоследствии стал военным журналистом и писателем⁵.

Основоположником ТРВ был офицер французской колониальной армии Шарль Лашеруа. Примечателен тот факт, что прибыл он в Индокитай в феврале 1951 г., на позднем этапе войны, а покинул регион летом 1953 г., за год до окончания конфликта. Именно в этот период он разработал новую концепцию в антиповстанчестве — теорию «революционной войны» (ТРВ)⁶. Вернувшись во Францию в ноябре 1953 г., он организовал конференцию под весьма непривычным для коллег названием: «Оружие Вьетмина: параллельные иерархии»⁷. В своей лекции он раскрывал новое понимание природы войны в Индокитае и тех проблем, с которыми столкнулась французская армия. Выступление имело успех в военной среде, и через полгода Лашеруа возглавил «Центр азиатских и африканских исследований» (СЕАА). В течение двух лет он вел преподавание, проводил трехмесячные курсы для групп из нескольких десятков учеников, которые, по его словам, становились «апостолами». Известность теории росла, и к 1954 г. Лашеруа приглашают прочитать лекции от Сен-Сира до Института высших исследований национальной обороны (IHEDN) и Высшей военной школы⁸. В 1957-1958 г. Лашеруа приобретает большую известность, причем не только среди коллег, но и во французском обществе в целом. Например, в одной из ведущих французских газет, «Фигаро», обозреватель писал о нем, что знает, кто однажды станет великим лидером французской армии. Можно констатировать, что вышестоящему офицерскому звену становилось все сложнее подвергать критике или сомнению ТРВ⁹. Важно подчеркнуть, что с 1954 г. по 1960 г. теория укрепит свой статус в рамках военной политики Франции¹⁰. ТРВ сводилась главным образом к «психологической войне», поощрению взаимодействия военизированного государства с полицией и постановке четких политических целей¹¹.

Эта мысль получила дальнейшее развитие 2 июля 1957 г., когда Лашеруа выступил с лекцией «Революционная война и психологическое оружие». Выступление проводилось в Парижском университете (в Большом амфитеатре Сорбонны) для 2000 офицеров. Организатором лекции являлось Министерство национальной обороны Франции. Речь Лашеруа записывалась на магнитную ленту, на основе которой был создан ее печатный вариант¹². В этой лекции Лашеруа констатировал, что традиционные стандарты, по которым оценивались противоборствующие стороны, мертвы. Он приводил ряд примеров о военных конфликтах в Китае, Корее и Индокитае, где сильная сторона, по многим показателям, про-

игрывала более слабому противнику. Исходя из этого Лашеруа утверждал, что предстоит столкнуться с новой формой войны, в которой концепции и достижения совсем другие, нежели в традиционной войне. Эта новая форма получила название «революционная война». Если не знать ее особенностей и законов, то шансов выиграть в таком конфликте нет. По его мнению, именно Мао Цзэдун лучше других смог сформулировать принципы ТРВ. Преимущественная задача – контроль местного населения¹³.

Французский военачальник высказался о необходимости переосмыслить способы обучения солдат. Закрепился стандарт – сначала идет подготовка в индивидуальных заданиях, затем обучение проводится поэтапно по возрастанию воинского формирования. В ТРВ все наоборот: чем меньше подразделение, тем лучше оно готово для выполнения поставленной задачи. Приводился пример оперативного подразделения, состоящего из небольшого числа людей, способного сражаться несколько дней в тылу противника¹⁴.

В этом выступлении Лашеруа уверенно высказался, что в будущем техника применения психологического оружия, разработанного во французской армии, будет являться одной из самых лучших в мире, за исключением коммунистического противника, который имеет преимущество в силу своего политического режима¹⁵. В заключение лекции он утверждал: «многие из нас, офицеров, думают, что у нас возможно не будет атомной войны, что у нас возможно не будет обычной войны, но революционных войн, увы, у нас будет много»¹⁶.

Чтобы лучше понять мировоззрение сторонников ТРВ в рядах французской армии, следует составить их социально-психологический портрет. Как правило, большая часть этих представителей офицерского корпуса придерживалась правых взглядов, в том числе пренебрежительно относилась к существующему политическому устройству Франции, считая власти слабыми и нерешительными по отношению к коммунистическому противнику¹⁷. Презрение к идеалам республики и институтам государства среди французских военных можно объяснить несколькими причинами. Политический режим Третьей республики (1870-1940 гг.) показал свою недееспособность во время Второй мировой войны, что привело Францию к военно-политическому краху. Этьен де Дюран называет это «травмой 1940 года», оказавшей сильное психологическое влияние на весь офицерский корпус. Четвертую республику (1946-1958 гг.), созданную после войны, сотрясали политические кризисы (с частой сменой кабинета министров), и именно в это время Франция не смогла выиграть войну в Индокитае (1946-1954 гг.). По мнению многих французских военных, в Юго-Восточной Азии можно было победить, если бы это стало делом всего французского народа. Война в Алжире (1954-1962 гг.) привела к концу политического режима Четвертой республики¹⁸.

Исходя из этого у определенной части военных отсутствовало доверие к политикам в Париже, проводимые ими меры по удержанию колоний они считали малокомпетентными и слабыми. Проигранные конфликты в Индокитае, Тунисе и Марокко политизировали армию, настроили против властей, которые (по мнению военных) растратили жертвы Франции впустую. В дальнейшем это приведет и к политическим потрясениям – майскому кризису 1958 г., «путчу генералов» 1961 г. и созданию подпольной «Секретной вооруженной организации» (ОАС), целью которой было сохранение Алжира в составе Франции любой ценой. ОАС просуществовала с 1961 г. по 1962 г. Одними из участников тех событий были офицеры, разделявшие основные принципы ТРВ¹⁹. Например, одним из организаторов майского кризиса 1958 г. являлся Роже Тринкье – автор ключевой работы по проблематике ТРВ: «Современная война: французский взгляд на борьбу с повстанцами»²⁰. Второй и не менее показательный пример – Шарль Лашеруа, основоположник ТРВ, который участвовал в провальном «путче генералов» 1961 г., а затем примкнул к ОАС²¹.

Появление и развитие ТРВ происходило на фоне попыток реорганизации империи. По замыслу основателей Четвертой республики, Французский союз должен был реанимиро-

вать впавшую в кризис после Второй мировой войны колониальную империю. Суть заключалась в сохранении за Францией территориальных владений при изменении их юридического статуса. Система управления должна была эволюционировать в сторону частичной федерализации колоний, однако на практике изменения носили больше декоративный характер²². Гражданство Французского союза не означало равенства жителей заморских территорий с гражданами Франции, что подтверждало отсутствие пропорционального представительства в Национальном собрании и всеобщего избирательного права. Часть территорий, которым предоставили политическое равенство, были выбраны по трем критериям: малая площадь территории; относительно небольшая численность местного населения; более длительное пребывание под французским влиянием²³.

Отсутствие стремления Парижа предоставить равные политические права всем гражданам союза объясняется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, политическое равноправие автоматически потянуло бы за собой остальные требования – равенство экономическое, религиозное, образовательное и культурное. Париж фактически не имел финансовых ресурсов для поднятия социально-экономического уровня всех бывших колоний до благосостояния метрополии. Во-вторых, соответствие граждан союза контурам французской национальной идентичности. Другими словами, вопрос состоял в том, насколько жители той или иной территории прониклись культурно-ценностным влиянием Франции, а значит, могли быть интегрированы центром. Определялось это иногда по критерию длительности нахождения территории под французской властью. В-третьих, при реализации пропорционального представительства бывших колоний депутаты от них получили бы большинство в Национальном собрании, поскольку суммарная численность жителей заморских владений превосходила население метрополии. Правящие круги Четвертой республики явно опасались, что расширение полноправного гражданства сделает Францию «колонией ее бывших колоний»²⁴.

Вместе с тем неспособность предоставить политические права всем гражданам Французского союза сделала этот проект нежизнеспособным. В ходе политического кризиса 1958 г., организованного военными, и перехода к Пятой республике Париж попытался реорганизовать союз в сообщество, но не добился ожидаемого успеха. Несмотря на исчезновение колониальной империи Франция еще долго продолжала играть заметную роль в своих бывших колониях. Во всяком случае стоит вспомнить проект «Франсафрика», задуманный в Пятой республике (1958 г. – н.в.), который стал реализовываться после провала концепции «французского сообщества»²⁵.

Возвращаясь непосредственно к проблематике ТРВ, следует также особо выделить Жака Хогарда, активного участника индокитайского конфликта от начала и до его фактического завершения – с 1945 г. по 1953 г. Вернувшись во Францию, он преподавал в «Центре азиатских и африканских исследований», который в это время возглавил Лашеруа. Именно это учреждение стало штаб-квартирой в распространении идей ТРВ во французской армии²⁶.

В 2013 г. «Центр доктрины использования вооруженных сил» (CDEF), сотрудничающий с министерством обороны Франции, выпустил исследование «Борьба с повстанцами: доктрина Хогарда». В работе представлена его биография и военно-теоретические разработки в области антиповстанчества²⁷. Хогард выделил четыре пункта политико-стратегических проблем для французских войск в Индокитае: отсутствие единой политической мысли; нестабильность французской власти; некомпетентность во многих вопросах; слабость разведки. По его мнению, ни в мире, ни во Франции не существовало настоящего единого антикоммунистического фронта. Это оказало негативное влияние на ход войны в Индокитае. Офицер упрекал США и западных союзников в отсутствии помощи, в то время как СССР, Китай и восточный блок оказывали Вьетминю активную поддержку. Вдобавок к вышеска-

занному он обвинял США в снабжении и вооружении Вьетмина во время Второй мировой войны. И только в 1950 г., продолжает мысль автор, с началом Корейской войны (1950-1953 гг.), Вашингтону пришлось поменять свое отношение к Вьетмину. Франция вела войну в Индокитае в тяжелых условиях: в одиночестве, при нестабильном правительстве Четвертой республики, в отсутствие полной поддержки населения в метрополии²⁸.

Жителям Индокитае, по мнению Хогарда, нужно было предложить альтернативную идеологию, способную противостоять коммунизму. При этом саму идею антикоммунизма он считал неэффективной, поскольку идеология должна нести будущность и положительный план действий, нежели строиться только на отрицании. В чем она должна была заключаться, офицер не пояснил, но считал, что концепция Французского союза являлась абстрактной для местного населения. Политика Вьетмина, напротив, имела успех вследствие монополизации и взаимосвязи проблем национализма и освобождения страны. Генерал также критикует французскую армию за чрезмерную децентрализацию на примере разведки. На его взгляд, существует слишком много служб, конкурирующих между собой. В итоге командование редко имеет полную и актуальную информацию о своем противнике²⁹.

Основным документом для ТРВ стала «Временная инструкция по применению психологического оружия (ТТА 117)»³⁰. Инструкция была подготовлена Министерством национальной обороны Франции и утверждена 29 июля 1957 г. Состоит она из пяти глав и приложения, содержит 144 пункта. Инструкцию разрабатывали преимущественно силами офицеров, занимающих высшие должностные посты во французской армии, при участии нескольких гражданских исследователей. Комиссию по ее созданию возглавил дивизионный генерал и директор по исследованиям Центра высших военных исследований (СНЕМ) Жан Олье. Участие в формировании документа приняло 24 человека. Инструкция включает следующие темы: психологическое оружие в военных операциях; оценка психологической информации; психологическое действие в вооруженных силах; пропаганда и контрпропаганда и ряд других проблем³¹.

В инструкции ТТА 117 приводится официальная трактовка нескольких терминов. Основное понятие «революционная война», по мнению французских военачальников, - это теория войны, разработанная сторонниками марксизма-ленинизма. Используют ее революционные движения для захвата власти путем постепенного обеспечения физического и психологического контроля над населением. В ТРВ, как считают авторы, не существует различий между миром и войной. В ней устанавливается цель тотального контроля над сердцами и умами людей. Добиваются этого через физическое и моральное завоевание общества. Вторым по значимости термином ТРВ является «психологическая война». В инструкции утверждается: «это согласованное применение различных мер и средств, призванных повлиять на мнение, чувства, отношение и поведение противоборствующих элементов (власти, армии, населения) таким образом, чтобы изменить их в направлении, благоприятном для достижения целей в войне». Следует обратить внимание на такое понятие, как «подрывная война». В работе разъясняется, что это конфликт, который ведется на вражеской территории. Конечная цель заключается в том, чтобы лишить местную политическую власть контроля над этим пространством³².

Суть «психологической войны», на взгляд французских военных, состоит в уничтожении воли противника к сопротивлению, а также в вербовке вспомогательных сил и/или союзников в лагере врага, что в итоге облегчает военную операцию. Она оказывает влияние на многие сферы деятельности – такие как политическая, военная, экономическая и дипломатическая. По мнению составителей инструкции, эффекты от нее должны принести противнику чувства незащищенности, беспомощности и неуверенности. Главное ее свойство заключается в воздействии на население противника. Деморализация вражеской

армии зависит от отношения к нему местного населения. Наравне с «психологической войной» существует «психологическое действие». Если первое направлено исключительно на врагов, то второе адресовано своему населению, своей армии и союзникам. Они имеют общую характеристику влияния на психику, но при этом их методы различны. «Психологическое действие» обычно принимает формы пропаганды. По заверению офицеров, «психологическое действие» необходимо для защиты нации в подрывной и/или революционной войне. Значение ее состоит в укреплении и усилении морального духа граждан и вооруженных сил страны³³.

В ТТА 117 можно выделить три основных вида операций в «психологической войне»: стратегическая операция; тактическая операция; психологическая операция по консолидации. Первый вид - стратегическая операция, она направлена на достижение широких и долгосрочных целей в зависимости от плана ведения войны. Цели в стратегической операции: провоцирование и разжигание внутренних разногласий, конфликтов и восстаний во вражеском лагере; дезорганизация тыла (срыв военного производства). Второй вид - тактическая операция, она проводится непосредственно в зоне боевых действий, однако ограничена по времени. Цели: понижение и/или уничтожение морального духа вооруженных сил противника; воздействие на моральное состояние населения, находящегося в зоне противника. Третий вид - психологическая операция по консолидации, направлена на общество, ранее находившееся под контролем противника. Эта операция, по идее авторов, должна укрепить результаты предыдущих операций «психологической войны». Цели: подчинение населения военному командованию; подавление организаций сопротивления; приобщение населения к обеспечению безопасности коммуникаций и поддержке порядка на оккупированной территории³⁴.

Следует отметить, что в источнике определяются, пусть и относительно абстрактно, критерии ТРВ. Цель: физический и психологический контроль над людьми. Методы: материальное и моральное завоевание личности, иными словами, «народная мобилизация». Идеология: фанатизм, который захватывает общество. Эволюция: постепенное нарастание жестокости³⁵. Вместе с тем в инструкции присутствует гуманитарный аспект - краткое упоминание о содержании военнопленных. К примеру, 51 пункт, в котором утверждается, что военнопленные должны содержаться в соответствии с обязательствами Женевской конвенции, принятыми Францией. По факту эта статья имела декларативный статус, поскольку не оградила французскую армию от военных преступлений, совершенных в Индокитайской войне (1946-1954 гг.), особенно в Алжирской войне (1954-1962 гг.). Об этом речь пойдет далее³⁶.

Как пишут Пьер Пехлеви и Эрик Уэллс, принятие французской армией «Временной инструкции по применению психологического оружия (ТТА 117)» знаменует собой триумф ТРВ. Однако этот триумф длился недолго, и уже через год после принятия ТТА 117 в военной политике Франции начнут постепенно происходить изменения не в пользу сторонников ТРВ. Причиной тому стал политический кризис 1958 г., устроенный военными, упразднивший Четвертую республику. Получалась парадоксальная ситуация: несмотря на негативное отношение офицеров к этому политическому режиму именно благодаря ему ТРВ получила поддержку на развитие. Вернувшись к власти благодаря военным, Шарль де Голль начнет процесс чисток в армии. Осенью того же года армии будет отдан приказ - не вмешиваться больше в политику. А главное, в июле 1959 г. временная инструкция ТТА 117 будет заменена на «Инструкцию об основах, целях и пределах психологического действия». Исчезло понятие «психологическая война», заменило его «психологическое действие», и применение последнего ограничивалось лишь собственной армией - для поддержания боевого настроения³⁷.

Французская империя, по мнению представителей офицерского корпуса, разделявших ТРВ, стала жертвой коммунистического врага. Исходя из этого конфликт в Алжире представлялся ими как «крестовый поход за национальное будущее Франции». При этом сторонники ТРВ исходили из того, что главное препятствие на пути к победе – пораженческий настрой в своей стране, в метрополии³⁸. Однако современная историография дает более развернутую интерпретацию этого подхода к проблеме, позволяя подойти к оценке пределов возможностей практического применения ТРВ в более широком контексте. Военный и исследователь Уолтер Шрепель обосновывает причины поражения французов в Индокитае. На его взгляд, у французского правительства не было четкого понимания целей в индокитайском конфликте. Без утверждения конкретной и реалистичной стратегической цели, продолжает автор, ни правительство, ни армия не могут точно определить свои силы и средства для достижения военной победы в Индокитае. Стратегические цели постоянно менялись, вначале это было восстановление колониального порядка, потом образование союзного государства Франции и Индокитая и только затем – сдерживание коммунистической угрозы. Французское общество устало и обессилело от конфликта, офицеры не могли дать внятного ответа солдатам на вопрос о том, ради чего все их жертвы³⁹.

Скандалы, связанные с причастностью колониальной армии Франции (в том числе – офицеров, разрабатывавших ТРВ) к пыткам и другим военным преступлениям во время Индокитайской войны (1946-1954 гг.) и Алжирской войны (1954-1962 гг.), периодически обсуждаются во французском обществе. Широкий общественный резонанс вызвали интервью Поля Ауссаресса для СМИ (2000 г.). В них он признался в участии в пытках и заявил об отсутствии сожаления и раскаяния по поводу этих мер. Оправдывая свои действия, он говорил, что «у нас не было выбора. Во время битвы за Алжир произошло значительное количество террористических актов, приведших к гибели невинных людей»⁴⁰. В связи с этим в том же году правительство Пятой республики объявило о расширении доступа к определенной части архивного материала, относящегося к войне в Алжире. Тем не менее только в 2008 г. был принят закон, облегчающий доступ к этим документам⁴¹.

Мотив пыток и военных преступлений французской армии в Алжире попытался разъяснить Шрепель. На его взгляд, использование террора со стороны ФНО психологически освобождало французскую армию от этических ограничений, препятствующих ведению тотальной войны. В чрезвычайной ситуации полицейские методы мирного времени фактически не функционировали⁴². Другим фактором, объясняющим подобную жестокость французской армии в Алжире, является ее эмоциональное состояние после поражения в Индокитае⁴³. Еще одну причину называет Бруно Рейс. По его мнению, проблема использования пыток и отсутствие реакции французского государства на происходившие преступления объясняются негласным разрешением Парижа. Политические и военные лидеры полагали, что пытки – это необходимое зло, позволяющее быстро закончить войну. В противном случае, как они полагали, повтор катастрофы в Дьенбьенфу приведет к падению Четвертой республики⁴⁴.

Необходимо отметить, что подобные действия со стороны французской армии происходили не только в Индокитае и Алжире, но и в иных частях колониальной империи. К примеру, схожим образом подавлялось восстание на Мадагаскаре (1947-1948 гг.), символом которого стал город Мураманга. Название этого города стало синонимом военных преступлений: пыток, массовых казней, уничтожения целых районов⁴⁵.

Конечно, не только французская армия применяла подобную практику в колониальных войнах. Профессор Кельнского университета Фабиан Клозе проводит параллель между войной в Алжире (1954-1962 гг.) и подавлением британцами восстания Мау-Май в Кении

(1952-1960 гг.). Асимметричные конфликты в этих колониях, как считает исследователь, являются примерами военных преступлений, включая систематическое применение пыток со стороны французской и британской армий. По его мнению, у двух колониальных держав была схожая модель легитимации бесконтрольного применения силы. В Алжире и Кении использовался один и тот же правовой инструмент - режим чрезвычайного положения, благодаря которому Франция и Британия вводили особые полномочия для своих вооруженных сил. Вместе с тем Клозе указывает на различия двух конфликтов – восстание в Кении не попало в поле зрения международного сообщества в той мере, в какой это случилось с войной в Алжире⁴⁶.

Закат ТРВ во французских военных кругах постепенно начался в 1958 г., с возвращения к власти де Голля в результате политического кризиса. Причина этого состояла в утрате контроля над действиями военных, которые стали играть ведущую роль в политических делах страны. Философия ТРВ превратила армию в государство в государстве. После того, как ее наделили большими полномочиями по требованию сторонников ТРВ, во Франции де-факто стали существовать два правительства⁴⁷. Приход де Голля к власти должен был означать победу ТРВ. Но, как отметил Пьер Пехлеви, «человек, которого французские военные считали своим человеком, впоследствии оказался тем, кто убил их политические амбиции»⁴⁸. С момента прихода де Голля к власти перед ним встала проблема - возвращение контроля над институтом армии. Таким образом, началось негласное противостояние между правительством в лице де Голля и военными кругами. Во французской армии правительство провело чистку офицерских кадров (связанных с ТРВ), пересмотр военной стратегии в пользу традиционных методов ведения войны, а также внедрение доктрины ядерного сдерживания для защиты национальной территории. В 1960 г. Франция провела испытание ядерного оружия, одновременно с этим изучение ТРВ в военных учебных заведениях республики было прекращено. Неудавшийся военный переворот 1961 г. против де Голля поставил точку в развитии ТРВ во Франции в XX в.⁴⁹

Идеи ТРВ получили вторую жизнь в странах Южной Америки в 1970-х гг., особенно после военного переворота в Чили (1973 г.). Примером служит поддержанная США операция «Кондор» – межгосударственная теневая военная сеть, в которую входили Чили, Аргентина, Уругвай, Боливия, Парагвай и Бразилия. Между странами осуществлялись скоординированные действия по ликвидации политической, преимущественно коммунистической оппозиции. Использовались преступные методы в виде внесудебной слежки, захватов, пыток и казней⁵⁰. Ярким примером страны, где ТРВ обрела особое влияние на местную армию и политику национальной безопасности, является Бразилия. Проникновение ТРВ в военную мысль Бразилии датируется 1958-1959 гг., еще до военного переворота 1964 г., в результате которого к власти пришли военные⁵¹. В июле 1968 г. в Бразилии вышел декрет о подготовке армии к ведению «революционной войны». В октябре того же года в военные ведомства страны разослана методическая работа «Руководство по кампании: революционная война». В июне 1969 г. против повстанческого движения в городе Сан-Паулу разработана операция «Бандейрантес», основанная на идеях ТРВ⁵². Многие французские офицеры – сторонники ТРВ преподавали и консультировали бразильскую и иные южноамериканские армии. Так, Ауссаресс, получивший известность из-за скандалов. Связанных с пытками, преподавал в Бразилии и США методы французской армии во время Алжирской войны. Обучение проходило для латиноамериканских коллег на военной базе США в Форт-Брэгге. В Бразилии Ауссаресс проводил курсы в городе Манаус, в котором в 1964 г. был создан военно-учебный центр по введению боевых действий в джунглях. В этом центре обучение строилось на основе доктрины национальной безопасности Бразилии, в

которой утверждалось, что борьба с «внутренним врагом» и/или организатором «революционного мятежа» должна вестись любым доступным методом, не обращая внимания на соблюдение прав человека. Помимо этого Ауссаресс служил французским военным атташе в Бразилии в период политических репрессий в этой стране (1971–1973 гг.)⁵³.

По мнению Кристиана Олссона, ТРВ в 1960-е гг. оказала большее влияние на подход США к борьбе с повстанцами, чем в самой Франции после 1961 г., где на официальном уровне она была предана забвению⁵⁴. Действительно, военно-политические круги США проявляли интерес к ТРВ. Еще во время войны в Алжире представитель армии США генерал Мурман, находясь в Париже, докладывал в Вашингтон о новых веяниях во французской армии. Впечатление на американцев произвело усиление французов в плане тактической мобильности – появление «коммандос-охотников» (*Commandos de chasse*). Особый интерес вызвал новейший подход в использовании транспортных вертолетов как воздушной кавалерии против повстанцев, что будет затем применено США во Вьетнаме, став одним из наиболее ярких образов этой войны в массовой культуре. По мнению Эли Тененбаума, пик идейного французского влияния на армию США пришелся на первые годы после завершения Алжирской войны. Связано это с политикой Джона Кеннеди и так называемой «эпохой борьбы с повстанцами»⁵⁵.

В самой Франции вслед за США, к идеям ТРВ вернулись только в эпоху «Войны с террором». В 2010 г. вышла «Доктрина антиповстанчества на тактическом уровне», подготовленная «Центром доктрины использования вооруженных сил» (CDEF) при министерстве обороны Франции⁵⁶. В документе среди списка использованной литературы присутствуют два труда Тринкье: «Война, подрывная деятельность, революция» (1968 г.)⁵⁷ и фундаментальный трактат о ТРВ – «Современная война: французский взгляд на борьбу с повстанцами» (переиздан 2006 г.)⁵⁸. Приводятся тезисы Тринкье, например, три основных принципа, которые армия всегда должна придерживаться в войне против любого партизанского противника⁵⁹. Подобное упоминание представителя ТРВ в официальной и открытой работе для военнослужащих Франции сложно было представить спустя многие годы после событий начала 1960-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Understanding counterinsurgency: doctrine, operations and challenges / Ed. by T. Rid and T. Keaney. London and New York, 2010. P. 16.

² Crisis and renewal: France, 1918-1962 / Ed. by K. Moure, M.S. Alexander. New York and Oxford, 2002. P. 247.

³ Rubenstein J. *Terreur et séduction: Une histoire de la doctrine de la guerre révolutionnaire*. Paris: La Découverte, 2022. P. 100.

⁴ Ibid. P. 91.

⁵ Rubenstein J. La doctrina militar francesa popularizada. La influencia de las novelas de Jean Lartéguy en Argentina // Nuevo Mundo Mundos Nuevos. 2024 // <http://journals.openedition.org/nuevomundo/70524>.

⁶ Understanding counterinsurgency... P. 16; Reflections on the French School of Counter Rebellion: An Interview with Etienne de Durand by O. Manea // Small Wars Journal // <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/reflections-on-the-french-school-of-counter-rebellion>; Villatoux M.C., Villatoux P. Aux origines de la «guerre révolutionnaire»: le colonel Lacheroy parle. // Revue historique des armées. 2012. № 268 // <https://journals.openedition.org/rha/7512>.

⁷ Lacheroy C. Une armée du Vietminh: les hiérarchies parallèles // Centre d'études asiatiques et africaines, 1953; Rubenstein J. Op. cit. P. 103-104.

⁸ Rubenstein J. Op. cit. P. 103-104.

⁹ Mathias G. Galula in Algeria: counterinsurgency practice versus theory. Santa Barbara, 2011. P. 86-87.

¹⁰ Rubenstein J. Op. cit. P. 6.

¹¹ Rich P.B. A historical overview of US counter-insurgency // Small Wars & Insurgencies. 2014. Vol. 25, № 1. P. 18.

¹² Lacheroy C. Guerre révolutionnaire et arme psychologique // Ministère de la Défense nationale, Service d'action psychologique et d'information. Conférence du 2 juillet 1957. P. 1 // <https://francegenocidetutsi.org/LacheroyConference1957-07-02.pdf>.

- ¹³ Ibid. P. 3-4.
- ¹⁴ Ibid. P. 11.
- ¹⁵ Ibid. P. 11.
- ¹⁶ Ibid. P. 12.
- ¹⁷ *Laqueur W.* Guerrilla Warfare: A Historical and Critical Study. London and New York, 1998. P. 375.
- ¹⁸ Understanding counterinsurgency... P. 17; Crisis and renewal: France, 1918-1962 / Ed. by K. Moure and M.S. Alexander. New York and Oxford, 2002. P. 221, 247-248; *Huber J.D., Martinez-Gallardo C.* Cabinet Instability and the Accumulation of Experience: The French Fourth and Fifth Republics in Comparative Perspective // *British Journal of Political Science*. 2004. Vol. 34, № 1. P. 27; *Finch M.P.M.* A Progressive Occupation? The Gallieni-Lyautey Method and Colonial Pacification in Tonkin and Madagascar, 1885-1900. Oxford, 2013. P. 234-235.
- ¹⁹ *Черкасов П.П.* Охота на президента. Из истории покушений на генерала Ш. де Голля // Новая и новейшая история. 2017. № 2. С. 29-31; *Finch M.P.M.* Op. cit. P. 234-235; Understanding counterinsurgency... P. 17; *Finch M.P.M.* A total war of the mind: the French theory of la guerre revolutionnaire, 1954-1958 // *War in History*. 2017. Vol. 25. Issue 3. P. 431-432; *Evans M.* Algeria: France's Undeclared War. Oxford, 2012. P. 233, 295; *Griffin C.* Major Combat Operations and Counterinsurgency Warfare: Plan Challe in Algeria, 1959-1960 // *Security Studies*. 2010. Vol. 19, № 3. P. 560, 568, 580.
- ²⁰ *Evans M.* Algeria: France's Undeclared War. Oxford, 2012. P. 233; The Theory and Practice of Irregular Warfare: Warrior-scholarship in counter-insurgency / Ed. by A. Mumford, B. Reis. London and New York, 2013. P. 42; *Trinquier R.* Modern Warfare: a French view of counterinsurgency. Westport, Connecticut, London: Praeger Security International, 2006.
- ²¹ *Finch M.P.M.* Op. cit. P. 234-235.
- ²² *Черкасов П.П.* Судьба империи: очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XX вв. Москва, 1983. С. 82-85.
- ²³ *Lawrence A.K.* Imperial Rule and the Politics of Nationalism: Anti-Colonial Protest in the French Empire. Cambridge, 2013. P. 105, 118.
- ²⁴ Ibid. P. 119-121.
- ²⁵ *Филиппова Е.И., Филиппов В.Р.* Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики // Известия АлтГУ. 2020. №6 (116). С. 77-80.
- ²⁶ *Villatoux M.C.* Hogard et Nemo: Deux théoriciens de la «guerre révolutionnaire» // *Revue historique des armées*. 2003. Vol. 232, № 3. P. 21-22.
- ²⁷ *Raffray M.* Contre-insurrection: la doctrine Hogard // DREX/CDEF. 2013. P. 100.
- ²⁸ Ibid. P. 29.
- ²⁹ Ibid. P. 32-33.
- ³⁰ Instruction provisoire sur l'emploi de l'arme psychologique (TTA 117). Ministère de la Défense nationale et des Forces armées, 1957 // <https://www.ege.fr/sites/ege.fr/files/fichiers/tta117.pdf>
- ³¹ Ibid. P. 1-2, 6, 63.
- ³² Ibid. P. 9-10.
- ³³ Ibid. P. 7, 9, 33.
- ³⁴ Ibid. P. 10, 26-27.
- ³⁵ Ibid. P. 29.
- ³⁶ Ibid. P. 28.
- ³⁷ *Pahlavi P., Ouellet É.* Guerre irrégulière et analyse institutionnelle: le cas de la guerre révolutionnaire de l'armée française en Algérie // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2009. n° 235(3). P. 138-140, 142; *Rubenstein J.* Terreur et séduction: Une histoire de la doctrine de la guerre révolutionnaire. Paris: La Découverte, 2022. P. 179.
- ³⁸ The New Counter-insurgency Era in Critical Perspective / ed. by C.W. Gventer, D.M. Jones, M.L.R. Smith. London, 2014. P. 177, 189-190.
- ³⁹ *Schrepel W.A.* Paras and Centurions: Lessons Learned From the Battle of Algiers // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2005. Vol. 11, № 1. P. 75.
- ⁴⁰ *Martins Filho J. R.* Military Ties between France and Brazil during the Cold War, 1959-1975 // *Latin American Perspectives*. 2014. Vol. 41, № 5. P. 168; Paul Aussaresses en 2000: Je n'éprouve pas de remord pour la torture en Algérie. Institut national de l'audiovisuel // <https://www.ina.fr/ina-eclaire-actu/paul-aussaresses-en-2000-je-n-e-prouve-pas-de-remord-pour-la-torture-en-algerie>
- ⁴¹ *Klose F.* Human Rights in the Shadow of Colonial Violence: the Wars of Independence in Kenya and Algeria. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. P. XV.
- ⁴² *Schrepel W.A.* Paras and Centurions: Lessons Learned From the Battle of Algiers // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2005. Vol. 11, № 1. P. 76.
- ⁴³ *Rich P.B.* Op. cit. P. 19-20.
- ⁴⁴ The Theory and Practice of Irregular Warfare... P. 41.
- ⁴⁵ *Klose F.* Human Rights in the Shadow of Colonial Violence: the Wars of Independence in Kenya and Algeria. Philadelphia, 2013. P. 57.
- ⁴⁶ Ibid. P. 6-7.

- ⁴⁷ Rubenstein J. Terreure et séduction... P. 179; Pahlavi P., Ouellet É. Op. cit. P. 141.
- ⁴⁸ Pahlavi P. Political warfare is a double-edged sword: the rise and fall of the French counter-insurgency in Algeria // Canadian Military Journal. 2007. Vol. 8, № 4. P. 57.
- ⁴⁹ Rubenstein J. Terreure et séduction... P. 177, 179, 181; Pahlavi P. Political warfare... P. 57-58, 60; Understanding counterinsurgency... P. 20.
- ⁵⁰ Rich P.B. Op. cit. P. 19; McSherry J. Patrice. Operation Condor: Clandestine Inter-American System // Social Justice. 1999. Vol. 26, № 4 (78). P. 144-145.
- ⁵¹ Martins Filho J. R. Military Ties between France and Brazil during the Cold War, 1959–1975 // Latin American Perspectives. 2014. Vol. 41, № 5. P. 173; De Araujo R.N. L'appel à l'ennemi: l'anticommunisme à l'École supérieure de guerre au Brésil (1954-1964) // Les Cahiers de Framespa e-storia. 2021. № 36 // <http://journals.openedition.org/framespa/10584>.
- ⁵² De Araujo R.N. L'art français de la guerre. Transferts de la doctrine de la guerre révolutionnaire au Brésil (1958-1974) // Cahiers des Amériques latines. 2012. № 70. P. 52-53.
- ⁵³ Martins Filho J. R. Op. cit. P. 168; De Almeida Teles J. Op. cit. P. 42.
- ⁵⁴ Olsson C. Guerre totale et/ou force minimale? Histoire et paradoxes des «coeurs et des esprits» // Cultures & Conflits. 2007. Vol. 67, № 1. P. 53 // <http://conflits.revues.org/3102>.
- ⁵⁵ Tenenbaum É. Op. cit. P. 563.
- ⁵⁶ Doctrine for counterinsurgency at the tactical level. Paris: Forces employment doctrine center, 2010.
- ⁵⁷ Trinquier R. Guerre, subversion, révolution. Paris: Robert Laffont, 1968.
- ⁵⁸ Trinquier R. Modern Warfare: a French view of counterinsurgency. Westport and London, 2006.
- ⁵⁹ Doctrine for counterinsurgency at the tactical level... P. 33, 70.

FRENCH ARMY, DECOLONIZATION AND THE «REVOLUTIONARY WARFARE» THEORY

© 2025 S.G. Malkin, A.I. Lezin

Samara State University of Social Sciences and Education

The article is devoted to the emergence and development of the theory of «revolutionary warfare», as well as its impact on the armed forces of France. The authors examine the reasons for the formation of this theory among the French military class, and also suggest what military-political events contributed to the emergence and subsequent transformation of this phenomenon in the history of the French military thought in the era of decolonization. In this regard, the work presents an analytical framework for understanding the specifics of the mentality of the representatives of the French military class involved in the colonial service during this historical period, including their attitude to events not only in the dependent territories, but also in the metropolis itself, their relationship from the point of view of representatives of the military class in the context of the requirements for waging a “revolutionary warfare”. Particular attention is paid to the consideration of war crimes of the French army in the Algerian War (1954-1962) through the prism of ideas about the permissible limits of the use of force by supporters of the “revolutionary warfare” theory. The authors analyze the most striking examples of attempts to transfer the practice of “revolutionary warfare” to the other regions of the world to solve local problems in the field of internal security, primarily in the countries of South America.

Keywords: Indochina; Algeria, “revolutionary warfare”, Charles Lacheroy, Roger Trinquier, Jacques Hogard, Paul Aussaresses, David Galula, French Union, Forth Republic, “psychological warfare”, Charles de Galle, Fifth Republic.

DOI: 10.37313/2658-4816-2025-7-1-68-78

EDN: BOKXDE

*The study was carried out at the expense of a grant
from the Russian Science Foundation No.22-18-00011, <http://rscf.ru/project/22-18-00011>*

Stanislav Malkin, Doctor of History, Head of the Department of World History, Law and Methods of Education.
E-mail: s.g.malkin@mail.ru
Alexander Lezin, Master of Arts, Department of World History, Law and Methods of Education.
E-mail: lezin1995@gmail.com